

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Х. А. Кобелева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье проанализированы особенности и проблемы формирования социального капитала в современной России. Данная проблематика приобрела значимость в последние годы, поскольку социальный капитал и доверие стали рассматриваться в качестве важного фактора развития демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: социальный капитал, демократия, гражданское общество, доверие, государство.

Abstract: in this article analyzes the features and organization's problems of social capital in contemporary Russia. This theme of research became important in the past years because nowadays social capital and trust are getting important factor of democracy's and civil society's development.

Key words: social capital, democracy, civil society, trust, state.

Рассматривая социокультурное измерение гражданского общества, российские исследователи чаще всего оставляют в стороне понятия «социальный капитал», «доверие» и делают основной акцент на особенностях политического генотипа, не обращая внимания на тот факт, что в социальном капитале находят отражение особенности менталитета, системы ценностей, культуры народа. Вот почему при анализе функционирования гражданского общества необходимо учитывать уровень развития социального капитала в стране и характер его влияния на общественную жизнь в целом. При этом под социальным капиталом мы понимаем средство достижения цели сознательной деятельностью отдельных индивидов, организаций, социальных групп и общества в целом в рамках социальных связей на основе доверия, общих норм, формальных и/или неформальных правил и убеждений.

Если обратиться к публикациям западных авторов, исследующих процесс демократизации в современной России, то можно увидеть одну общую особенность – акцент на отсутствие в стране социального капитала. Так, Т. Николс в своем исследовании делает вывод о том, что современная Россия представляет собой страну, «испытывающую практически полное отсутствие социального капитала, и что в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем» [1, с. 634]. К тому же его «систематическая эрозия в период до 1991 г. во многом объясняет серьезные проблемы, возникающие в процессе постсоветской демократической консолидации» [там же, с. 631].

Другой известный американский теоретик концепции социального капитала Р. Д. Патнем считает, что не только Россия, а «почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала» [2, р. 183]. В этом с ним солидарен и американский ученый Ф. Фукуяма, подчеркивающий, что «уже к концу 1930-х гг. СССР пришел с «отсутствующей серединой», т.е. с острым дефицитом крепких, сплоченных и устойчивых объединений между государством и семьей. Государство было как никогда мощным, а население представляло собой массу разобщенных людей и семей, но между ними не было практически никаких социальных групп» [3, с. 100]. К тому же Ф. Фукуяма полагает, что «фамилистические» общества – «то есть те, в которых наиглавнейшим (а иногда единственным) путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры: кланы и племена» (к таковым Ф. Фукуяма относит Францию и некоторые районы Италии, а также Китай, Тайвань и Гонконг) – обладают «более высоким уровнем социализированности, чем современная Россия». Последняя же, по его мнению, относится, как и «некоторые другие бывшие коммунистические страны», к числу подлинно индивидуалистических обществ, «члены которых не умеют объединяться друг с другом» [там же, с. 57].

Можно согласиться с этими учеными в том, что «запасы» социального капитала в СССР и в современной России не столь велики, как, например, в США, Канаде или развитых странах Западной Европы. Но в то же время ошибочно говорить о его полном отсутствии. Например, Н. Ор в своем исследовании,

посвященном анализу социального капитала в России, приходит к выводу, что он все же не был полностью разрушен советским режимом. Причиной этого стало то обстоятельство, что главными формами существования социального капитала в России всегда были семья, тесные родственные и дружеские связи, а отнюдь не общественные организации. Как известно, взаимопомощь, взаимоподдержка являются прочной основой существования подобных отношений. Более того, они выступают источником развития данных связей. Поэтому, как справедливо отмечает Н. Ор, обращаясь к истории России, «те человеческие отношения, которые помогли людям выжить в условиях жесткой принудительной экономической и политической системы, помогают им пережить сегодняшний хаос» [4, р. 26–27]. Подобной точки зрения придерживается и российский общественный деятель, экономист А. А. Аузан, указывающий на то, что «в 1970–1980 гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, были многочисленные элементы гражданского общества – от экономико-математической школы в МГУ до московских кухонь. Именно там производился социальный капитал» [5]. Однако с начала 1990-х гг. началось его систематическое «разрушение».

Одной из причин данного процесса стала резкая ломка прежней (советской) системы ценностей, которые выступали в качестве системообразующих и консолидирующих общество. Политики-«либералы», пришедшие к власти в стране в начале 1990-х гг., направили все усилия на дискредитацию данной системы ценностей. При этом они практически ничего не сделали для того, чтобы новая (западная лишь по названию) система ценностей стала органичной частью современного российского общества, а не вступала бы в противоречие с нравственными установками и нормами большинства граждан. Обществу не было предложено цельной, непротиворечивой системы ценностей.

Как следствие, российское общество до сих пор не смогло оправиться от «травмы» (в терминологии польского ученого П. Штомпки). По мнению П. Штомпки, «конец травмы означает формирование цельной и органичной системы ценностей: норм, правил, символов и убеждений, т.е. новой культуры, в которой будет закодирована новая традиция, предназначенная для передачи новым поколениям. Это означает новую групповую идентичность» [6, с. 488–489]. Но очевидно, что в российском обществе полностью еще не завершен «реабилитационный период» после «травмы», полученной в 1990-е гг., и новая, объединяющая всех граждан система ценностей до сих пор не сформирована.

На сегодняшний день Россия представляет собой общество, которое частично модернизировано, час-

тично разрушено. Причем традиционная, современная и разрушенная части не являются изолированными, противостоящими друг другу сегментами, а, наоборот, существуют совместно и одновременно. Это обстоятельство накладывает отпечаток на процесс «накопления» социального капитала и развития гражданского общества страны в целом, лишь усложняя его протекание.

Таким образом, социальная атомизация российского общества не преодолена, «накопление» социального капитала в стране осуществляется крайне медленно. Ведь для того чтобы «внести вклад» в социальный капитал, человеку необходимо адаптироваться к моральным нормам определенного сообщества и усвоить господствующую в нем систему ценностей, правил и норм. В противном случае человек в своей повседневной деятельности будет поступать эгоистически, «играть по своим правилам», пренебрегая нормами общественной морали. В данной ситуации можно говорить о «накоплении» лишь так называемого «негативного» социального капитала и усилении межличностного недоверия в обществе.

Современное российское общество можно рассматривать как крайне индивидуалистическое в том смысле, что граждане все силы тратят на решение собственных проблем, понимая, что «в этом жестоком мире каждый за себя и выживает сильнейший». Наибольшее развитие обозначенная тенденция получила в нестабильные 1990-е гг. Необходимо отметить, что это способствовало формированию в современном российском обществе нового типа индивидуализма, в котором высокий уровень автономии по отношению к социуму и его институтам сочетается с противопоставлением им собственных правил и норм. По справедливому замечанию российского ученого В. В. Петухова, «российский индивидуализм – это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма» [7, с. 63].

Если «на макроуровне власть будет замкнута на саму себя, решать свои проблемы в ущерб общественным, то и на микроуровне наиболее ярко будет проявляться адаптационный индивидуализм, не считающийся ни с чем, кроме собственной выгоды» [8, с. 59]. Опасность распространения данного типа индивидуализма в обществе кроется в том, что он способствует усилению как межличностного, так и институционального недоверия.

В таких условиях говорить о «накоплении» национального, солидаризирующего общества социального капитала не приходится, поскольку россияне не стремятся к объединению друг с другом ради решения общих проблем. Как следствие, они постепенно утрачивают способность к коллективному сопротивле-

нию тем силам, которые грубо нарушают их права и свободы, не учитывают, не отстаивают их интересов. При этом россияне, отстранившись от политики, не стремятся проявлять свою социальную активность, создавая или принимая участие в работе уже действующих гражданских организаций. Людям проще и привычнее выражать свое недовольство работой органов власти через общение с близкими родственниками и друзьями. Поэтому в итоге основная доля социального капитала в нашей стране аккумулируется в рамках семьи. В российском обществе доверие до сих пор зачастую не преодолевает индивидуальный уровень. В данном случае крайне важно, чтобы граждане не боялись проявлять общественную инициативу. Как свидетельствует история, для русских людей всегда было важным ощущение общей идентичности. Ее ценность способствовала повышению уровня доверия в обществе, а следовательно, оптимизировала коммуникативные процессы, облегчала межличностное взаимодействие и способствовала «накоплению» социального капитала. Однако на сегодняшний день для подавляющего большинства россиян смысл и цена гражданской самореализации не очевидны.

Воронежский государственный университет

Кобелева Х. А., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии

E-mail: hristianak@gmail.com

Тел.: 8 (473) 221-27-43

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nicols T.* Russian democracy and social capital // *Social science information.* – 1996. – Vol. 35, № 4.
2. *Putnam R. D., Leonardi R., Nanetti R. Y.* Making democracy work : civic traditions in modern Italy. – N. Y., 1993.
3. *Фукуяма Ф.* Доверие : социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М., 2004.
4. *Ohr N.* Social capital in Rural Russia : legacies of the soviet era. – The Kennan' Institute for advanced Russian studies. – Washington. – 26–27 September. – 1997.
5. *Аузан А. А.* Общественный договор и гражданское общество / А. А. Аузан. – Режим доступа: <http://www/polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>
6. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М., 2005.
7. *Петухов В. В.* Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян / В. В. Петухов // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 6.
8. *Плискевич Н. М.* «Экономика – язык – культура». К итогам дискуссии / Н. М. Плискевич // *Общественные науки и современность.* – 2001. – № 6.

Voronezh State University

Kobeleva Ch. A., Candidate of Political Sciences, Lecturer of Sociology and Political Science Department

E-mail: hristianak@gmail.com

Tel.: 8 (473) 221-27-43